

Сима Крейнин

РИЖАНЕ

Сима Крейнин

Рижане

«Издательские решения»

Крейнин С.

Рижане / С. Крейнин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934722-0

Этот необычный альбом посвящен истории рижской семьи на протяжении двух столетий. В этом повествовании мы можем ясно различить все важнейшие эпизоды жизни евреев Прибалтики. Для автора каждый персонаж этой книги — реальный, живой человек со своим характером и судьбой, потому что это ее семья и ее жизнь.

ISBN 978-5-44-934722-0

© Крейнин С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть 1. Мои предки со стороны матери	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Рижане

Сима Крейнин

Редактор Александр Карабчиевский

© Сима Крейнин, 2018

ISBN 978-5-4493-4722-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор этой книги, **Сима (Суламифь) Крейнин**, родилась в Риге (Латвия) в еврейской светской семье. Мать – Рива Тулбович – преподаватель истории в старших классах. Отец – Айзик Клисс – инженер-радиотехник. Родители перестали жить вместе еще до рождения девочки, официально развелись, когда Симе было шесть лет.

В 1975 году Сима окончила Рижский Политехнический институт (ныне Рижский Технический университет), работала инженером-конструктором в СКБХ – Специальное конструкторское бюро химизации, затем на Рижском радиозаводе им. Попова. Увлекалась изобретательством, изучала ТРИЗ – теорию решения изобретательских задач. Имеет несколько авторских свидетельств. Впоследствии преподавала ТРИЗ на курсах повышения квалификации в Риге, занималась РТВ – развитием творческого воображения у школьников. В соавторстве с коллегой написала книгу «От Незнайки до Сыроежкина» для детей школьного возраста.

В конце 1990 года вместе с семьей репатрировалась в Израиль. Работала контролером качества на различных металлообрабатывающих предприятиях. Написала книгу «Секретное оружие интеллекта» о преодолении психологической инерции, РТВ и ТРИЗ.

Замужем, имеет взрослую дочь.

*В память о моей маме,
Тулбович Риве Соломоновне,
без которой не было бы ни меня,
ни этой книги.*

Согласно данным переписи населения 1935 года в Латвии проживало 93 479 евреев.

По данным исследователей Холокоста, количество погибших евреев Латвии составляет 70 тысяч человек.

«Массовость и быстрота, с которой было уничтожено еврейское население, истребление целых семей привело к тому, что практически не осталось никого, кто мог бы идентифицировать их».

Центр изучения иудаики Латвийского университета

Предисловие

Когда я жила в Риге, то была уверена, что те шесть человек, которые обитают в одной квартире со мной – это и есть все наши родственники. А моя девичья фамилия Тулбович – крайне редкая, и её носят только члены нашей семьи. В детстве и молодости меня этот факт не беспокоил, это казалось просто интересной особенностью, которой можно было поделиться в компании друзей. Но несколько лет назад, бродя в Интернете по разным сайтам, я вдруг набрала в поисковике свою фамилию. Выскочил обширный список сайтов, где упоминалась фамилия Тулбович. Оказалось, что Тулбовичи – это огромный клан, насчитывавший в 1941 году (перед тем, как мировая война пришла на территорию Латвии) более сотни человек. После войны нас осталось в живых около дюжины.

На меня эта информация произвела сильное впечатление. И мне захотелось рассказать об истории своей семьи; во-первых – своей дочери и последующим поколениям, а во-вторых – моим ровесникам, многие из которых, точно так же, как и я, потеряли своих родственников.

Трудность заключалась в том, что ко времени, когда я начала заниматься этой книгой, никого из «довоенных» Тулбовичей уже не было в живых. Моя мама умерла в 2013 году. За несколько лет до этого, уступая просьбе своей младшей сестры, мама записала воспоминания о своей жизни и о той большой семье, которая жила в Риге до 1941 года. Но маме в 1941 году исполнилось всего 12 лет, поэтому она знала не всех наших родичей и не всё, что происходило в их семьях.

Мамины воспоминания стали первым источником сведений для этой книги. Кроме того, я старалась воспользоваться всем, что удалось найти «на просторах Интернета». В частности, Центр изучения иудаики Латвийского университета реализует «Проект по изучению судеб евреев, проживающих в Латвии в 1941 году», его электронный адрес: <http://names.lu.lv/ru.html>. И, конечно, те сведения, которые сохранились в моей памяти. В детстве я вылавливала их из разговоров дома, когда взрослые забывали отправить меня гулять; уже взрослой я осмыслила их и отыскала новую информацию.

Из всего этого выросла и книга, и генеалогическое древо моей семьи.

Хочу выразить особую благодарность моим друзьям Хелен Лимоновой и Александру Карабчиевскому, без постоянной поддержки которых эта книга не появилась бы на свет.

Часть 1. Мои предки со стороны матери

В 60-е годы XIX века религиозный еврей по имени Мовша Тульбович с женой и маленьким сыном ушел из родного дома, расположенного в местечке Дагда Режицкого уезда Витебской губернии. Преодолев 60 километров, где пешком, где на попутных подводах, семья пришла в уездный город Режице. Там они прожили несколько лет. В 1866 году там же у Мовши родился ещё один сын. Вчетвером они перебрались в город Динабург той же губернии. В то время Режица была маленьким городком с населением в три с половиной тысячи человек, и, конечно, не выдерживала сравнения с Динабургом, в котором из десяти тысяч населения примерно половину составляли евреи.

Но и в Динабурге семья не задержалась надолго. В начале 70-х годов XIX века они, уже по железной дороге, переехали в Ригу. Мне не удалось узнать, чем именно занимался глава семейства, и за какие заслуги он получил разрешение поселиться в Риге, не взирая на то, что Рига не входила в «черту оседлости».

Черта́ осе́длости (полное название: Черта́ постоянной еврейской оседлости) – в Российской империи с 1791 по 1917 год (фактически по 1915 год) – граница территории, за пределами которой запрещалось постоянное жительство евреям (то есть иудеям), за исключением нескольких категорий, в которые в разное время входили, например, купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, отслужившие рекруты, ремесленники, приписанные к ремесленным цехам.

Город Режица – ныне Резекне в Латвии, до 1917 года – Режица. В 1285 году магистр Ливонского ордена Вильгельм фон Шауэрбург построил на этом месте укрепленный замок, назвав его Розиттен. С 1582 г., в результате Ливонской войны, Розиттен вошёл в состав Речи Посполитой. С 1772 года замок и возникшее вокруг него поселение вошли в состав Российской империи. По документам 1808 года: «В городе только одна улица; нет ни одного мастерового, никаких ярмарок, ни привоза жизненных припасов; жителей там 754 человека, из них 536 евреев...». В 1897 году в городе насчитывалось 10795 жителей, в том числе 6442 евреев.

Город Динабург – ныне Даугавпилс в Латвии, был основан ливонскими рыцарями на правом берегу Западной Двины (Даугавы) у озера Щуп. Первое упоминание о городе относится к 1275 году. Город назывался Dineburg до 1656 года, Nowepene в немецких источниках, Невгин, затем – Борисоглебск до 1667 года, снова Динабург – до 1893 года, затем Двинск до 1920 года, а с тех пор и поныне – Даугавпилс.

Судя по всему, не только семья Мовши Тульбовича проделала подобный путь. В начале 1941 года в Даугавпилсе жила семья Тульбовичей с четырьмя сыновьями и двумя дочерьми. В Риге в то время проживало не менее ста носителей этой фамилии. В Белоруссии до сих пор живут Тульбовичи.

Изменение фамилии объясняется тем, что в Российской империи все документы оформлялись на русском языке, и в оригинале фамилия писалась с мягким знаком – Тульбович. После революции и приобретения независимости местные власти в Латвии получили возможность пользоваться в качестве государственного латышским языком – как доказательство национальной самостоятельности. В латышском языке такой буквы, как мягкий знак, не существует,

и фамилия звучит твёрдо. Современный русский вариант является копией местного языка, записанной русскими буквами – Тулбович.

Когда исчезла возможность попасть в Латвию (для тех, кто остался за её границей), еврейская молодежь обратила внимание на российскую столицу. Москва не всегда была благосклонна к искателям лучшей жизни. Вот одно из свидетельств.

Тулбович Абрам Львович (1895) (поискать информацию)

Дата рождения: 1895 г.
Место рождения: дер. Патамальники Рижского уезда Витебской губ.
Пол: мужчина
Национальность: еврей
Образование: среднее
Профессия / место работы: начальник аптеки в гарнизонной амбулатории МВО.
Место проживания: Москва, ул. 25-го Октября, д.17, кв.127.
Партийность: член ВКП(б)
Дата расстрела: 17 июня 1937 г.
Место захоронения: Москва, Донское кладбище
Дата ареста: 4 апреля 1937 г.
Обвинение: участие в к. ф. террористической организации.
Осуждение: 16 июня 1937 г.
Осудивший орган: БВС СССР
Дата реабилитации: 18 августа 1996 г.
Реабилитирующий орган: БВС СССР

Источники данных: БД "Жертвы политического террора в СССР". Москва, расстрельные списки - Донской крематорий

ЛБОВИЧ А.Л.

Фотография из архивной коллекции
Международного Шенгеновского центра.

Мой прадед Абрам Тулбович родился в семье, обосновавшейся в Риге. В этой семье было шестеро сыновей. Мне удалось обнаружить некоторые свидетельства лишь о пятерых из них.

Абрам Тулбович женился на девушке из религиозной семьи – Марьяше Дубин. Двоюродным братом Марьяши был Мордехай Дубин, член латвийского Сейма, весьма популярный и уважаемый в еврейской среде человек.

Из статьи Михаила Горелика в журнале «Лехаим»:

«Дубин неизменно возглавлял список «Агудат Исраэль» – партию ортодоксального еврейства, стоящую на последовательных антибундовских и антиссионистских позициях, и был депутатом сейма все годы его существования (единственный среди еврейских политиков!), что говорит о политическом весе «Агудат Исраэль» и его личной популярности.

Естественно, Дубин прежде всего отстаивал интересы своих избирателей. Но фактически его деятельность постоянно выходила за партийные рамки. Он сознавал себя представителем всего еврейского народа и действовал сообразно этому убеждению. Он оказывал постоянную помощь еврейским эмигрантам из советской России – как легальным, так и нелегальным. Его поручительство за политическую благонадежность задержанных на границе беглецов из России давало им возможность легализоваться в стране.

Он помогал и людям совершенно чуждых ему убеждений, помогал политическим противникам, и они знали, что могут рассчитывать на него. Вот два примера.

Советский писатель Давид Бергельсон, приехав в Ригу, принял участие в нелегальном собрании. В самый разгар сходки в квартиру вошли сотрудники спецслужб. С просьбой срочно вызволить Бергельсона к Дубину обратился главный редактор еврейской газеты «Фриморне» Лацкий-Бертольди, поносивший Дубина из номера в номер. Ночью разбудил. И Дубин помог.

Будучи членом бюджетной комиссии сейма, Дубин добился увеличения государственных субсидий еврейскому театру (субсидии хотели уменьшить). Пикантность ситуации в том, что Дубин, ортодоксальный еврей,

отрицательно относился к театру и никогда (ни до, ни после) в нём не бывал. Однако он считал: существует закон о государственных субсидиях, который должен выполняться в отношении евреев точно так же, как в отношении других национальных меньшинств. В знак благодарности директор театра отменил спектакли по субботам и еврейским праздникам.

В 1934 году в результате государственного переворота установилась диктатура Карлиса Ульманиса. Сейм был распущен.

Рассказывает секретарь и жизнеописатель Дубина Абрам Годин:

Я присутствовал при первом телефонном разговоре М. Дубина с Ульманисом примерно через неделю после переворота. Дубин заявил Ульманису, что как глава общины он желает знать, какой будет новая политическая линия в отношении евреев: «Если я в Латвии лишний, я могу уехать». Ульманис успокоил его и пригласил в канцелярию для личной беседы. Формально Дубин считался теперь частным лицом, ибо депутатом он ввиду роспуска сейма больше не был. Пост председателя религиозной общины Риги не давал ему никаких официальных прав. Но фактически М. Дубин после аудиенции у Ульманиса стал единственным представителем всего латвийского еврейства. Двери всех государственных учреждений были теперь открыты для него еще шире, чем прежде.

После государственного переворота антисемитизм в латвийском обществе резко усилился, все еврейские политические организации, кроме «Бейтара» и «Агудат Исраэль», были поставлены вне закона, – Дубину не раз пришлось использовать особое отношение к нему Ульманиса.

В последние годы существования независимой Латвии в страну стали прибывать еврейские беженцы из Германии. Между Германией и Латвией существовало соглашение о безвизовом обмене, поэтому они оказывались в Латвии вполне легально, но их временное, а для кого-то и постоянное обустройство (многие остались без средств к существованию), отношения с властями маленькой страны, которые были совсем не в восторге от еврейских эмигрантов, – всё это требовало постоянной заботы Дубина.

Имя Мордехая Дубина связано с именем шестого Любавичского Ребе – Йосефа-Ицхака Шнеерсона. Дубин – дважды его спаситель: в 1927 году он добился разрешения на выезд Ребе из СССР, в 1939-м – способствовал вызволению его из оккупированной немцами Варшавы.

В 1927 году Ребе был арестован в Ленинграде, заключен в тюрьму и оперативно приговорен к смертной казни за контрреволюционную деятельность. Борьба за спасение Ребе, как в СССР, так и за его пределами, в которой участвовало множество лиц и организаций, привела к замене расстрела десятью годами на Соловках. Затем Соловки были заменены ссылкой в Кострому, а затем Ребе вообще был освобожден, хотя повторный арест и неизбежная гибель были делом времени. Выезд из СССР фактически спасал ему жизнь. Добиться этого было совершенно невозможно – Дубин был тем человеком, который добился невозможного.

В 1927 году в сейме, состоящем из ста мест, сложилась ситуация неустойчивого равновесия: правящее большинство обладало перевесом всего в один голос. Дубин возглавлял список «Агудат Исраэль» с двумя голосами; в правящую коалицию он не входил. Таким образом, голоса маленькой еврейской партии приобрели непропорционально большое значение. На повестке дня стоял вопрос о торговом договоре с советской Россией. Два депутата правящей коалиции заявили, что станут голосовать против, поскольку договор приведёт к усилению позиций коммунистов в стране. От Дубина зависело, будет ли ратифицирован торговый договор с СССР.

Именно этот козырь и был выложен им в Москве, куда Дубин ездил несколько раз в связи с делом Йосефа-Ицхака Шнеерсона. Москвы он откровенно боялся: у него был

тяжелый опыт общения с большевиками в 1919 году, когда они ненадолго оккупировали Ригу, он попытался отстаивать интересы еврейского населения, что едва не кончилось для него трагически. Он не доверял большевикам, он вовсе не был уверен, что дипломатический паспорт служит в СССР надёжной гарантией неприкосновенности. Однако опасения Дубина оказались напрасны. Абрам Годин, со слов Дубина, утверждает, что тот был принят в Москве едва ли не как представитель великой державы («Все двери были перед ним открыты, и наркоматские чиновники готовы были исполнить любое его желание»). Когда русские поняли, что ключ к подписанию договора действительно лежит в кармане у Дубина, их отношение к нему переменилось. Потерпевший несколько чувствительных внешнеполитических поражений, СССР отчаянно нуждался в торговом договоре с Латвией. В руководстве СССР существовали разные группы и центры влияния. К счастью, победили не идеологи, а прагматики: Ребе получил разрешение на выезд из СССР, причем Дубин настоял, чтобы его сопровождали члены семьи (а уж как хотелось оставить их в заложниках!) и наиболее близкие люди, среди которых был преемник рабби Йосефа-Ицхака – будущий седьмой Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон.

Второй раз Дубин спас Ребе через 13 лет. В момент начала войны Ребе жил в Варшаве. Дубин сразу же бросился в Министерство иностранных дел. У Ребе было латвийское гражданство, что и давало формальную возможность хлопотать за него. В условиях войны сделать что-нибудь было крайне затруднительно. Первого сентября начались боевые действия, а уже через два дня связь между Ригой и латвийским посольством в Варшаве была прервана. Существовал план вывезти Ребе на машине, но дороги бомбили, так что от этого плана пришлось отказаться. Министерство иностранных дел связалось непосредственно с Берлином, и была достигнута договоренность о выезде из Польши через линию фронта группы латвийских граждан, среди которых должен был быть и Ребе. Железная дорога Варшава-Рига была разбомблена – люди возвращались кружным путем через Кенигсберг.

Но возникли непредвиденные затруднения. График эвакуации был составлен таким образом, что Йом Кипур заставал беженцев в дороге. Ребе ехать отказался. Возникает удивительное *deja vu*: повторяется ситуация освобождения из советской тюрьмы, когда Ребе отказался покинуть камеру, поскольку приезд в ссылку выпадал на субботу, и вышел из тюрьмы только в воскресенье. Принимая решение, Ребе об этом совпадении несомненно размышлял. В обоих случаях он сильно рисковал. И неизвестно, когда сильнее. Не воспользовавшись представленной возможностью, он оказался бы в немецкой оккупации. В конце концов, стараниями Дубина Ребе всё же добрался до Риги, но было это уже в декабре; а в апреле 1940 года он отплыл в Америку – на последнем пароходе.

Хочу еще раз обратить внимание: в 1939 году у Дубина не было никакого формального политического статуса – успех его хлопот по освобождению Ребе определялся исключительно его авторитетом в глазах правительства.

ДУБИН Мордехай (Мортхель) Залманович

Родился в 1889 в Риге, в семье любавичского хасида. Получил традиционное еврейское религиозное воспитание. С 1919 по 1934 – депутат Латвийского сейма от партии «Агудас Исроэль». Будучи в дружеских отношениях с президентом К. Ульманисом, содействовал смягчению антисемитской атмосферы в стране. Принимал активное участие в общественно-религиозной жизни еврейства, был председателем секции религиозных евреев. С его помощью Ребе Йосеф-Ицхак Шнеерсон получил разрешение на выезд из СССР в Латвию. В 1940 – с установлением советской власти – был арестован как «руководитель реакционной клерикальной» еврейской партии «Агудас Исроэль». Выслан в Куйбышевскую область.

В начале 1945 года, после освобождения из ссылки, проживал в Москве. Среди хасидов пользовался непререкаемым авторитетом, большинство прихожан синагоги обращались к нему по всем жизненным и религиозным вопросам. 29 февраля 1948 – арестован как «участник антисоветской националистической организации». Из обвинительного заключения: «После установления в Латвии советской власти занимался организацией нелегальной переброски еврейской буржуазии за границу и распространял клеветнические измышления о советской власти; поддерживал преступную связь с враждебно настроенными евреями, подстрекая их к бегству за границу». Виновным себя не признал. 16 октября 1948 – приговорён к 10 годам тюремного заключения. Отбывал наказание в Бутырской тюрьме. В 1951 – заболел в тюрьме и заключением судебно-психиатрической экспертизы признан душевнобольным. 12 января 1952 – отправлен «на принудительное лечение в соединении с изоляцией» в Тульскую психиатрическую больницу, где в 1956 скончался. Его останки позднее были перенесены на еврейское кладбище в пос. Малаховка под Москвой.

Архив ФСБ РФ. Следственное дело М-1717

Благодаря проекту, осуществленному Латвийским университетом, появились сведения о евреях из Риги, доживших до 1941 года. Но евреи, умершие до этого времени, были похоронены на Старом еврейском кладбище. И теперь невозможно восстановить даты их жизни и смерти.

Первое еврейское кладбище в Риге было открыто в 1725 году, и там продолжались погребения до конца 1930-х годов. После того как немецкие войска заняли Ригу в 1941 году, кладбище стало местом массовых захоронений более 1000 евреев, убитых на улицах и в домах Рижского гетто. После Второй мировой войны многие из надгробий кладбища были извлечены и использованы в качестве строительного материала. В 1960-е годы место было разрушено и переименовано в «Парк коммунистических бригад». В 1992 году парк был переименован в «Старое еврейское кладбище». В настоящее время парк, расположенный в одном из самых бедных районов города, называемом Маскачка (Maskava – латышское название Москвы), является популярным местом для праздных пьяниц, местной детворы и американских туристов.

Еврейское образование

С древнейших времён, где бы еврейский народ ни жил в рассеянии, всюду он подвергался гонениям и преследованиям. В любой стране евреи отличались от своих соседей – языком, внешним видом, обычаями. Многие лидеры еврейских общин пытались найти решение этой проблемы. Одной из таких попыток было течение «хаскала».

Хаскала (досл. «просвещение») – еврейское идейное течение, возникшее под влиянием идей европейского Просвещения во второй половине XVIII в. Хаскала выступала против культурно-религиозной обособленности еврейства, полагая, что приобщение к достижениям светского европейского образования улучшит положение еврейского народа. Сторонники движения, которых называли маскилим («просвещенные»), видели корень бед еврейского народа в его обособленности от нееврейской среды. Для его преодоления они предлагали ввести обучение евреев светским наукам и языкам тех государств, где они проживали. А также изменить внешний облик и поведение еврея, что включало ношение европейской одежды и усвоение европейского этикета, чтобы по своей социальной принадлежности евреи ничем не отличались от населения стран проживания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.